

Летний зной стоял невыносимый. Даже когда миновал полдень — время самого яростного солнца, — жара всё еще заставляла людей томиться от духоты и изнывать от вялости.

Но стоило пройти самому душному предвечернему часу, как спавшие в полуденное время крестьяне начали пробуждаться.

Деревенским труженикам не чета изнеженным господам из знатных и богатых домов — всякую работу им приходится делать своими руками. И даже если кому-то отчаянно хотелось подольше поваляться на кане в прохладе и потянуть время, всё равно приходилось подниматься, дабы соседи не прозвали ленивым лодырем или нерадивой бабой.

И в то время как старики, протирая глаза, вяло бродили по дворам, разморенные солнцем и лишённые сил, на окраине деревни Ваньэр, в лесной чаще у реки, то и дело раздавался звонкий, неумолкающий смех молодежи.

Ту рошу надвое разделял чистый, прозрачный ручей.

Воды его журчали и струились, качая длинные стебли речных трав, и этот мягкий, мерный плеск приносил с собой долгожданную прохладу и утешение.

В самом узком месте этот ручей мог бы без труда перешагнуть любой ребенок лет одиннадцати, а в самом широком — русло едва ли достигало одного чжана.

Вода в ручье была хрустально-чистой, а дно сплошь устлано гладкой, округлой галькой.

К тому же было здесь совсем мелко — даже малые дети без опаски бродили по воде, которая доходила им разве что до середины голени.

Целая гурьба деревенских ребят — от одиннадцатилетних мальчишек до парней и девушек лет шестнадцати-семнадцати — весело резвилась в воде.

Несколько девушек и шуаньэров, разделившись и заняв противоположные берега, обеими руками азартно черпали воду, брызгая и поливая друг друга.

— Ой-ой! — вскрикивал кто-то, когда холодные струи попадали на лицо и мочили волосы.

— Ах так! Ну держись у меня! — доносились в ответ ничуть не обиженные, а, напротив, полные веселья голоса.

Волосы и одежды у всех давно вымокли до нитки, но звонкий смех и шутливые перебранки не стихали ни на миг.

Иные сидели на самом бережку: закатав штанины и не снимая соломенных сандалий, они просто опустили натруженные ноги в прохладу ручья.

Были и те, кто ловил мелкую рыбешку или переворачивал камни, выискивая речных улиток и крошечных крабов.

Молодежь резвилась в воде со всей искренней, чистой беззаботностью.

Деревенские девушки и шуаньэры в большинстве своем не отличались белизной кожи, да и писаных красавцев среди них было немного, однако эта живая картина невольно приковывала к себе взгляд.

Каковы бы ни были они лицом, в это мгновение юноши и девушки казались на редкость милыми и цветущими: глаза каждого светились неподдельной радостью, были ясными и очаровательными.

Чанся сидел на большом прибрежном валуне, слегка болтая ногами в воде и то и дело ловя ступнями мягкое сопротивление и толчки речного течения.

Внимая этому веселому шуму, он чуть прищуривал глаза, а в уголках его губ таилась едва заметная, кроткая улыбка.

Когда к ручью подошли несколько деревенских парней, веселье девушек и шуаньэров вовсе не прекратилось.

Крестьянские дети не воспитывались в строгом затворе господских покоев и не знали излишней неги, так что смелых, не робеющих перед мужчинами девиц здесь было хоть отбавляй. Лишь мазнув глазами по пришедшим, они и не подумали прерывать столь редкую и желанную забаву.

И хотя нашлись среди них две-три скромницы, которые при виде парней смутились и притихли, подруги тут же воспользовались их замешательством и окатили новой порцией брызг, отчего те, позабыв о стыдливости, с шумом и криками бросились давать сдачи.

Те, кто бродил по руслу, лишь высоко подоткнули полы платьев да закатали штанины, обнажив белые лодыжки и икры, и появление парней ничуть их не смутило.

Деревня Ваньэр строилась у самой воды, крестьяне распахивали как суходольные, так и заливные рисовые чеки, так что стоило прийти поре полевых работ — и мужчинам, и женщинам приходилось закатывать штаны и босиком ступать в топкую грязь.

А потому оголенные лодыжки да голени для деревенских девушек и шуаньэров не считались чем-то предосудительным или зазорным.

День выдался знойным, и Чанся, хоть и сидел в густой тени деревьев, из любви к прохладе так и не вынул ноги из воды.

Рядом с ним на траве покоились два бамбуковых короба, заполненных сочной травой едва ли наполовину — один принадлежал ему, а второй — Ян Сяотао.

Ян Сяотао как раз была среди тех, кто увлеченно брызгался водой.

Сегодня Чанся с утра управлялся с домашними делами, а после Ян Сяотао зашла позвать его вместе накосить травы для свиней. Кто же знал, что, придя к ручью, они застанут здесь такую веселую компанию? Вот и у них в душах пробудился детский задор.

Народу прибывало всё больше. Даже семи-восьмилетние ребяташки прибежали вслед за старшими братьями и сестрами и теперь с визгом плескались в воде, отчего их звонкие голоса привлекли внимание работавших неподалеку взрослых.

Но когда деревенские старшие подошли поглядеть, в чем дело, и увидели резвящуюся молодежь — статных, ясноглазых парней и румяных девиц, у них язык не повернулся бранить детей за безделье. Они лишь ласково поулыбались и тихонько пошли восвояси.

Чанся не боялся, что дома его станут корить: даже несмотря на то, что в его коробе лежало

всего пол-охапки травы, он ничуть не волновался.

Чэнь Чжи никогда не повышал на него голоса, а Доу Цзиньхуа и вовсе была немногословна.

Зная его замкнутый и тихий нрав, Чэнь Чжи сам всегда поощрял его ходить гулять вместе с Ян Сяотао и другими близкими ребятами, чтобы он совсем не заkis в четырех стенах.

Когда же Чанся был совсем маленьким, папа, желая, чтобы деревенские сверстники охотнее принимали приемыша в свои игры, всякий раз давал ему с собой узелок с сушеными плодами или сладкими цукатами, дабы тот делился угощением с остальными детьми.

В какой-то миг этот безудержный, шумный гомон над ручьем странным образом поутих, а когда разговоры возобновились, в них уже не было прежнего задорного смеха и шутивых перебранок.

Чанся в это время как раз низко наклонился, перебирая пальцами речные водоросли, но, почуяв неладное, выпрямился и невольно взглянул в сторону тропинки.

Из лесной чащи неподалеку вышли Пэй Яо, Ян Фэннянь и еще двое или трое парней.

Все они были как на подбор статными и ладными; стоило им остановиться на пригорке, как взору открылись их крепкие фигуры: длинные руки и ноги, тонкие, мужественные талии, перетянутые широкими поясами так, что они казались поджарыми, но отнюдь не хрупкими — высокими, подтянутыми и опрятными.

Тела этих юношей еще не обрели полной зрелости и тяжелой мужской стати, но их высокие, сухие фигуры невольно радовали глаз.

О редкой красоте Пэй Яо и говорить не приходилось.

Многие девушки и шуаньэры украдкой бросали на него взгляды и тут же испуганно опускали головы, принимаясь лениво перебирать пальцами воду, дабы скрыть свое волнение.

Впрочем, Ян Фэннянь с товарищами тоже были молодцами хоть куда: одежды на них были чистыми, а благодаря тому, что парни как раз вошли в пору бурного роста, очертания их лиц стали четкими, мужественными и чистыми, без малейшего следа детской припухлости или неряшливости — от них так и веяло свежестью.

Молодые сердца от природы тянулись друг к другу.

И теперь, глядя на эту живую, веселую кутерьму в ручье, пришедшие юноши невольно заулыбались, обнажив белоснежные зубы; глаза их сияли ясным, чистым блеском, отчего они казались еще более пылкими и беззаботными.

Взгляд Чанся неожиданно столкнулся с этой парой смеющихся глаз.

Но заметив, что Пэй Яо чуть приподнял брови, а веселье в его взоре сменилось какой-то острой, пронзительной пристальностью, мальчик в панике опустил голову и замер, не смея более поднять глаз.

Пригожие юноши не стали бесцеремонно приближаться. Найдя благодатную тень, они скинули с плеч набитые доверху травой короба, присели у кромки воды, чтобы ополоснуть руки до самых локтей, после чего тоже устроились на берегу, опустив ноги в прохладный ручей.

Они вели неторопливую беседу, швыряя в воду плоские камешки и пуская блинчики по воде; во всех их вольных, благородных манерах сквозила такая непринужденность, что они неизбежно приковывали к себе взоры.

Что же касается тех парней, которые пришли к ручью первыми, то и статью, и лицом они были самыми заурядными, да к тому же совершенно не умели следить за собой и опрятно одеваться.

Оказавшись посредине между компанией Пэй Яо и резвящимися девицами, они делали вид, будто просто отдыхают у воды, но в душах их от этой картины разлилась невыразимая горечь и зависть.

Ян Фэннянь заметил, как Пэй Цзицзун исподлобья бросает на них злобные взгляды, и это лишь позабавило его, отчего улыбка на его лице стала еще шире.

Он этих задир ничуть не боялся — не впервой кулаками махать.

Пэй Яо, сидевший рядом, казался отрешенным: бог весть о чем он думал, плотно сжав губы и уставившись неподвижным взором на колеблющуюся водную гладь.

Природа наградила его редкостной красотой: высокая, точеная переносица, четкие надбровные дуги, иссиня-черные волосы и безупречно чистая кожа.

Этот резкий контраст белизны лица и черноты волос в сочетании с бликами солнца, пробивавшимися сквозь листву, придавали его благородному облику такое великолепие, что от него невозможно было отвести глаз.

Никто не знал, как неистово забились сердца у сидевших в воде девушек и шуаньэров; у многих незаметно покраснели кончики ушей, но, на их счастье, день стоял жаркий, все и без того разомлели от купания, так что румянцем на щеках здесь никого нельзя было удивить.

Ян Фэннянь легонько толкнул Пэй Яо локтем в бок, кивая в сторону Пэй Цзицзуна и его приятелей, которые продолжали сверлить их сердитыми взглядами.

Пэй Яо очнулся от забытья, его кадык на шее едва заметно дернулся, а стоявшее перед глазами видение обнаженных до середины голени ног Чанся рассеялось без следа.

Заметив злобные мины Пэй Цзицзуна, он лишь презрительно фыркнул, не удостоив их ответом.

Хоть они и носили одну фамилию, но их ветви рода давно вышли за пределы пяти степеней родства, отношения между семьями были самыми прохладными, да и в детстве они сходились в драках бесчисленное число раз.

Тем временем солнце неумолимо клонилось к закату, и все понимали: если засидеться здесь дольше, дома и впрямь не оберешься нагоняя от старших.

Шумная гурьба вымокших до нитки ребят с веселым смехом разделилась на кучки и потянулась к деревне.

Когда народу много, то и робость пропадает; к тому же одежды их хоть и промокли, но оставались в полном порядке, так что косых взглядов прохожих они не боялись.

Чанся выбрался на берег и только собирался спросить Ян Сяотао, пойдут ли они докашивать траву, как к ним приблизился Ян Сяошу со своим младшим братишкой. Увидев, что его

младшая сестра не наполнила короб и наполовину, он с улыбкой увлек брата и сестру за собой на луг.

В это же мгновение перед Чанся выросла фигура Пэй Яо. Юноша молча подхватил его полупустую корзину, прошел чуть ниже по течению к своему месту, закинул на спину собственный тяжелый короб и молча зашагал к дому.

Чанся опустил мокрые штанины и тихо последовал за ним.

Вывалив свежую траву на просушку прямо посреди двора, они, не дожидаясь наказов взрослых, вновь подхватили пустые короба и вышли за калитку.

Шумное веселье улеглось, и в наступившей тишине Чанся сделалось не по себе.

Он вечно ходил, понутив голову, — тихий, безобидный и кроткий малый, который лишь изредка одарял мир едва заметной улыбкой; в глазах односельчан он был образцом благонравия и послушания.

Но никто в целом свете не ведал о том, какая глубокая тревога терзала его душу.

Он томился от страха, прекрасно понимая, что об этой беде нельзя поведать ни единой живой душе, а потому прятал всё глубоко в сердце, содрогаясь от ужаса перед будущим.

Едва они углубились в рощу, где не было ни единой души, Пэй Яо заметил, что Чанся снова витает в облаках, бездумно шагая следом за ним. Тогда он неуловимым движением увлек юношу за ствол старого, могучего дерева.

Чанся от неожиданного толчка прижался спиной к шершавой коре.

И в то же мгновение, когда его губы оказались запечатаны поцелуем, сердце его забилося так неистово, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Чуть отстранившись, Пэй Яо опустил взор, пристально разглядывая оказавшиеся в такой близости бледные губы.

Казалось бы, он так и не ощутил тех самых «великих восторгов», но эта неведомая сила заставляла его возвращаться к этому мыслями вновь и вновь.

Прильнуть губами к губам... Они и впрямь были мягкими, да к тому же источали едва уловимый, сладкий аромат.

В прошлый раз в комнате он не сдержался и какое-то время бережно ласкал своими устами его губы, но так и не постиг той сладостной тайны, о которой говорили взрослые.

Быть может, стоило испробовать это как-то иначе?..

В конце концов, это ведь всего лишь поцелуй, ничего из ряда вон выходящего в этом нет.

Он крепко перехватил пальцами подбородок Чанся и с юношеской, неловкой настойчивостью заставил его разомкнуть зубы.

Высокий юноша, не знавший никаких наставлений, ведомый лишь древним первобытным инстинктом, принялся жадно искать и брать то, чего так неистово требовало его естество.

Люди, плохо переносящие жару, без конца проклинали это знойное лето, всем сердцем моля богов о скорейшем приходе зимней стужи. Подумать только: от этого солнца даже цикады да малые жуки притихли в листве, что уж говорить о человеке.

*

Чанся, должно быть, родился в самый разгар лета, да и терпением природа его не обделила, так что от него отродясь никто не слышал жалоб на духоту.

Но ведь и у глиняного истукана есть свой предел терпения.

И пусть внешне он оставался прежним, в его душе поселилась такая глубокая, гнетущая забота, отчего и летний зной сделался совершенно невыносимым.

В последнее время его не покидало чувство глубокого смятения, он никак не мог обрести былой покой.

Да до такой степени, что, просыпаясь на рассвете, он стал замечать в своем теле пугающие перемены.

Впервые подобное случилось с ним в шестнадцать лет; тогда он решил, что подхватил неизлечимый недуг, и в полном отчаянии, потеряв рассудок от страха, бросился за помощью к папе.

Узнав от Чэнь Чжи истинную суть вещей, он потом несколько дней сгорал от стыда.

От природы он был человеком бесстрастным и не ведал, как унимать плотский зуд; и даже когда в нем пробуждался природный инстинкт, он из глубокой стыдливости тотчас подавлял любые помыслы.

Но теперь, пробуждаясь по утру, ему всякий раз приходилось откидывать легкое одеяло и подолгу выжидать, пока наваждение отступит.

Он не понимал, что с ним происходит, и единственным потрясением, способным вызвать это, было то самое непотребство, сотворенное с ним Пэй Яо...

Всякий раз, когда брат целовал его, Чанся замирал от липкого страха, но тело его каждый раз отвечало едва заметной, трепетной дрожью, пусть в тот миг это и не казалось очевидным.

Неосознанное чутье помогло ему отыскать корень этой беды.

Доброе имя и честное слово важны для любого человека, будь ты хоть трижды крепким мужем.

И многолетняя привычка заботиться о младшем брате заставляла Чанся тревожиться не за себя, а за Пэй Яо.

Пэй Яо был младше его на целых три года; и, как говаривал папа, он как раз вошел в ту пору, когда кровь кипит, а разум затмевает мальчишеская дерзость.

Он ведь еще совсем глупый мальчишка и совершенно не понимает, к какой страшной беде могут привести эти игры!

И когда крепкие руки вновь обвили его талию, Чанся изо всех сил рванулся в сторону, уклоняясь от спускавшихся к его лицу губ.

— Не... нельзя! — вырвался у него прерывистый, дрожащий возглас, и он уперся ладонями в грудь Пэй Яо, пытаясь оттолкнуть юношу.

Дома никого не было, а тяжелая дубовая дверь восточного флигеля была предусмотрительно заперта на засов.

Мускулистые руки молодого хозяина были крепкими и горячими, а грудь — куда шире, чем у самого Чанся; в комнате воцарилась такая удушливая, давящая атмосфера, что у бедного шуанъэра перехватило дыхание.

<http://bllate.org/book/17875/1725677>